

А. Е. Лыжина

АЛХИМИЯ ДУШИ. ПОВЕСТЬ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА
«НА КРУГИ СВОЯ»

Среди лучших произведений исторической прозы Августа Стриндберга — повесть «На круги своя» (“Utveckling”)¹. Историческая проза создавалась на протяжении ряда лет — с 1882 по 1904. В повести «На круги своя» тема поиска человеком идентичности открывается в новом свете. Социальные проблемы отходят на второй план по сравнению с фундаментальными вопросами смысла бытия. Стриндберг показывает искусство как фон развития сюжета и как способ выражения различного отношения к существованию, в данном случае, две диаметрально противоположных точки зрения — средневековый аскетизм и сенсуализм Возрождения. Стриндберг сгущает краски своего собственного духовного конфликта — между «монахом» и «сатиром», между отрицанием и принятием жизни. Другими словами, это конфликт между старым и новым, между христианским понятием, акцентирующим внимание на ничтожности и бесполезности человеческого существования, и натуралистической философией, считающей жизнь человека неотъемлемой частью природы.

Действие разворачивается в Швеции начала XVI в., когда протестантизм официально сменил католицизм и одновременно языческий дух Возрождения достиг северных окраин Европы и потеснил христианский аскетизм. Но это не только историческая повесть: Стриндберг стремится провести параллель между эпохой Ренессанса и своим временем, когда разрушался старый порядок,

начиналось восстание против власти. Как и в XIX в., это восстание приводит к появлению нового чувства освобождения, доставшегося большой ценой.

В работе «Бегство от свободы» Эрих Фромм отмечает: «С XVI века, пожалуй, не было другого периода, который был бы настолько похож на нынешнее время — с точки зрения двойственного смысла свободы, — как период Реформации»². Реформация стала одним из источников идеи свободы и автономии человека, но при этом существовал и другой аспект: ее акцент на порочности человеческой натуры, на ничтожности и беспомощности индивида, необходимости подчинения внешней силе.

С началом Реформации появился человек как индивидуальность. Новое чувство свободы принесло и чувство изоляции и неуверенности в себе. Потеряв четкое место в упорядоченной замкнутой вселенной, человек потерял и прежний смысл жизни.

Таково двойственное понятие свободы в повести «На круги своя», показанное через взаимодействие двух центральных фигур — Джакомо и Ботвида. Успеху начинаний Джакомо вскоре суждено быть проверенным на прочность, а скептическому Ботвиду атмосфера грядущих перемен кажется возвратом к прошлому. Здесь мы видим, что Стриндберг развенчивает идею прогресса, заменяя ее на идею циклического повторения. Замок восстает из руин, как символ упадка церкви, а Ботвид и Джакомо теперь пишут картины, более не связанные с религиозной тематикой. Монастырь снесен, но крепость становится новым центром аскетизма еще более сурового протестантизма, не признающего поклонения образам.

Джакомо не тоскует по утраченному чувству безопасности, он верит в себя и свои силы. Он не придерживается христианской идеи о разделении тела и души, плоти и духа. Он — образ цельного человека. Его религия — почитание жизни, чувств и красоты, которые даны Богом, а дар не может быть отвергнут. Джакомо проверяется на прочность, когда приходит чума. Прекрасная Мария умирает, а Джакомо ошеломлен ее обезображенным ликом. В панике он бежит в часовню, чтобы вновь увидеть ее запечатленную красоту, но обнаруживает, что его творение стерто по приказу нового, лютеранского священника.

После отъезда Джакомо Ботвид впадает в меланхолию. Новый мир, встреченный им с такой радостью, нравится ему все меньше и меньше. Его потерянный рай никогда не вернется. Ему кажется, что каждый шаг вперед на самом деле ведет назад. Жизнь больше не имеет смысла, это только повторение уже пройденного. Старые образы утратили силу, они более не вдохновляют «в радости и печали». Жизнь становится непосильным грузом, потому что душа распалась на две противоборствующие части, и невозможно найти единую точку зрения, которая бы помогла придти к цели. Сомнения убивают порывы вдохновения прекрасным. Ботвид становится нигилистом, Джакомо — образ мятежного человека, восставшего против законов вселенной, безразличной к желаниям и надеждам.

Джакомо играет двойную роль в повести, он выражает амбивалентную точку зрения Стриндберга. С одной стороны, он вносит сомнения в жизнь Ботвида, чье отношение к жизни и прекрасному не имеет ничего общего с реалиями жизни, болезнями и смертью. В данном случае Джакомо косвенно утверждает аскетический образ жизни, не дающий ложных надежд человеку. С другой стороны, этот мятежный человек оставляет без ответа вопрос о бренности всего сущего. Если Бог даровал человеку Прекрасное, то почему же он так внезапно отнимает его? И здесь вселенная безразлична к нашим мечтам, вселенная без богов и надежд, где всё, ради чего стоит жить, временно и смертно. Эта точка зрения Стриндберга заметно обозначена, и поэтому автор заставляет Джакомо вернуться в Грипсхольм много лет спустя.

Его философия жизни изменилась: он не верит ни во что и живет только потому, что рожден. Но он не утратил своей творческой силы в отличие от Ботвида. Когда же он осознаёт, что имя Марии больше не способно пробудить отклик в его душе, он винит в этом Бога. В своем протесте против Бога он доходит до Прометеевских высот и встречает смерть от руки старого привратника, отца Марии. Джакомо проклинает Бога. В порыве отчаяния он вопрошает Его, зачем Тот дал человеку желания, сильные, как потоки воды, но преградил течение реки, повелев людям умирать.

Повесть «На круги своя» можно считать попыткой изображения двух противоборствующих точек зрения, здесь сталкиваются два мира. Новому натурализму, опирающемуся на чувственное

восприятие прекрасного и эволюцию органического и неорганического мира, не соответствующему условиям человеческой жизни, Стриндберг противопоставляет идею цикличного повторения. То же самое можно сказать и о христианской точке зрения: хотя христианство более реалистично и менее очаровано жизнью, нежели натурализм, оно породило только отрицание жизни и бесплодное существование.

Проза Стриндберга образует единый роман воспитания, который может быть рассмотрен как поиск автором новых ценностей, которые придадут его жизни смысл. Точка фокализации в произведениях Стриндберга колеблется от поисков порядка и смысла главными героями до признания хаоса и беспорядка смыслопорождающими единицами.

Произведения Стриндберга содержат огромное разнообразие тем и мотивов, но все их можно объединить единой схемой поиска идентичности, исследованием себя и вещей, определяющих бытие. Данная тема имеет множество граней: социальных, психологических, экзистенциальных (от натурализма до сверхъестественного, от физики до метафизики, от химии до алхимии). Герои заняты осознанием себя, чрезмерно увлечены собственной индивидуальностью.

Кнут Гамсун признавал значимость этой новой типологии героев, созданной Стриндбергом, считая его единственным автором в Скандинавии, попытавшимся создать современную психологию³. Основным методом поиска идентичности стал «путь к себе», что отразилось на структуре повествования. Герои больше не являются индивидами, а представляют некие социальные роли, иллюстрирующие психологические теории, т. е. аспекты себя в некоем внутреннем конфликте. Как и К.-Г. Юнг⁴, Стриндберг считал, что старые формы нарратива скрывают архетипы коллективного бессознательного. Герои обладают архетипическими особенностями, представляя собой части психоаналитических схем. В более поздних произведениях герои выполняют символические или метафорические функции, намечена общая тенденция перехода к символизации и мифологизации.

Отношение Стриндберга к названным средствам образительности изменилась в 1890-е гг. отчасти под влиянием общеевропейской тенденции к символизму, отчасти из-за появления

у автора нового видения. Под влиянием шведского мистика Сведенборга⁵ Стриндберг стал искать универсальные схемы творчества, скрытые под поверхностью реальности. Это отразилось на его концепции «я» и героя. Скептическое отношение к целостности и единству «я», осязаемости реальности изменили прежние формы повествования.

В 1890-е годы Стриндберг начал использовать алхимическую символику, что позднее повлекло к созданию «Инферно», одного из первых произведений, основанного на мифологизме. Ключевая метафора алхимии — разложение единства на первичные вещества, из которых может быть создано нечто более совершенное. В основе — это процесс преобразования (трансмутации) элементов, вдохновленных искусством. В данном случае алхимия понимается как метафора поэтики. Точка поворота к алхимии как к образной системе, показывающей динамику души, — в признании естественных изменений, которые имеют место в химических экспериментах или в природе. Душа нуждается во внимательном искусстве стимулирования, которое не слишком пассивно и не слишком активно. Повседневная жизнь побуждает к удовольствию или страданию. Оба вида опыта имеют потенциал для вовлечения в алхимию души. Алхимический процесс дает шанс стать чем-то большим, чем является человек и чем мог бы стать.

В повести «На крути своя» уже прослеживаются зачатки идей и образность, присущие алхимии. В 1890-е годы Стриндберг переживает тяжелый период, его душевные терзания представлены в текстах в виде алхимических процессов путрефакции и мортификации, когда первовещество вовлекается в процесс преобразования материи в дух. Увлечение Стриндберга метафорически можно рассмотреть как психологический процесс разложения старого эго и содержательного усвоения бессознательного. В это время закладываются основы структуры его произведений: развитие сюжета соответствует этапам и стадиям алхимического опуса, процессу индивидуации человека в ходе Великого Делания. Творчество Стриндберга совершило при этом переход от натурализма к символизму, аналог превращения свинца в золото.

С точки зрения религиозных переживаний, алхимический процесс преобразует духовную составляющую жизни: возврат к Богу, гармонизация тела и духа. Джакомо говорит: «Христос отступает

перед Аполлоном, восстающим из руин разрушенных храмов»⁶. Здесь также противопоставлены аполлоническое и дионисийское начала.

Алхимическая образность — это и мотив Благовещения в повести, появление божественного дитя в результате союза мужского и женского начала, анимы и анимуса. Джакомо — трикстер, провоцирующий творчество посредник между мирами, он позволяет претвориться в жизнь архетипу Великой матери. Он — «Другой», который открывает замкнутый мир Ботвида. Контакт возникает благодаря причастности к общему — творчеству, третьему чело- веку — Марии.

Джакомо хочет освободить Марию из высокой башни, вывести скрытое «я» на поверхность сознания. Но он же и уничтожитель, именно он замыкает вечный круг жизни и смерти. Перерождение невозможно без смерти.

Черный, красный и белый цвета использовались для символического обозначения тела, души и духа — ртуть, соль и сера, которые нужны для получения философского камня. Эти же цвета присутствуют в пейзажах Грипсхольма, где жертвы чумы будут уничтожены в огне алхимической печи.

Монастырь — замкнутый сосуд для алхимического процесса. Джакомо открывает запертые покои во дворце, скрытые уровни бессознательного. Каждое из четырех помещений соответствует одной стихии. Воздух, вода, земля и огонь; ветер и волны — действие повести разворачивается при их незримом присутствии. Так обозначена суть творчества и трансформации его: «Вода и огонь, холод и тепло, превозданные силы горячей жизни, которые в соперничестве взаимоуравновешиваются. Пусть огонь пылает, но держи под рукою воду, чтобы не сгореть; когда же огонь потухнет и ты остынешь — всему конец! Земная, чувственная твоя натура сгорела бы дотла, если б прекрасное не охлаждало тебя»⁷. Джакомо приносит в жизнь Ботвида понятие об эстетичности, любовании земным на место духовного творчества. Он примиряет жизнь и высокие идеалы. Джакомо изображает любовь земную, преходящую, подверженную переменам. «Они мечтали о Мадонне, но я ведь никогда ее не видел и не могу дать больше, чем имею!»⁸.

В конце истории философский камень получен. Ботвид замечает: «Прошлым летом мы плавали здесь на лодке, а сейчас идем

пешком. Те самые волны, что плескались тогда о борта, сейчас замерзли в камень»⁹. Вода озера Меларен и апрельское солнце сформировали души всех действующих лиц.

Джакомо в обмен на глаз приобретает внутреннюю мудрость. Это и всевидящий глаз Зевса, и глаз Одина, отданный за мудрость. Но одноглазость может рассматриваться и в негативном аспекте. Глаз — символ созидания, средоточие силы, которая может быть опасна для живых существ. Джакомо отрекся от возлюбленной, Мария умерла, привратник отомстил ему. Джакомо завещает Ботвиду: «Это новое время врывается сюда с новыми ветрами; не отставай, Ботвид, иначе пойдешь ко дну, не борись с течением — затянет в омут. Давние боги мертвы, а природа живет, ибо она вечна!...»¹⁰. Здесь видны и увлечения Стриндбергом теософией, пока еще не так явно выражающиеся в структуре произведений. Но смесь христианской и гностической традиции, западного и восточного мистицизма уже дают себя знать. Мечта об идеальном мире и обществе влияют на выбор «декораций». Для адекватного выражения идей приходится подбирать новую форму, так появляются смешанные жанры. Стриндберг преобразовал структуру прозаических произведений, драмы фактически становятся эпическим жанром. Ему удалось соединить жизнь отдельной личности и историю через личный миф. Несмотря на занятия точными науками, для Стриндберга эзотерические образы были важнее, нежели научные концепции.

---

¹ Стриндберг А. На крути своя. Повести и рассказы. М., 2002.

² Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009. С. 42.

³ Цит. по: *Johannesson E. O. The novels of August Strindberg. A study in theme and structure.* Berkeley; Los Angeles, 1968. P. 20.

⁴ Юнг К.-Г. Психология и алхимия. М., 2008. С. 48.

⁵ August Strindberg and the Other. New critical approaches / ed. by P. Houe, S. H. Rossel, G. Stockenstrom. New-York, 2002. P. 28.

⁶ Стриндберг А. Указ. соч. С. 32.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 40.

THE ALCHEMY OF SOUL. THE NOVEL "PROGRESS" BY AUGUST STRINDBERG

The article deals with novel "Progress" ("Utveckling") from the point of view of August Strindberg's individuation. Principles of deep psychology are shown in the coordination with author's self-awareness. Sphere of interests determines themes and motives of writing, development of genres and evolution of creativity methods. Artistic means express symbolism of author's world view.